

- *О новом философском методе и новой реалистической философии Жослина Бенуаста*
- *Человек и реальность в польской философии*

УДК: 111.1

О новом философском методе и новой реалистической философии Жослина Бенуаста

И. Е. Прись, кандидат философских и физико-математических наук*

В статье предлагается синтетический обзор контекстуалистского виттгенштайновского метода и контекстуалистской виттгенштайновской реалистической философии Жослина Бенуаста. В отличие от традиционных последователей Виттгенштайна Бенуаст не отвергает феноменологию и метафизику, а пытается скорректировать их. В частности, его работы содержат решения проблемы бытия, «трудной проблемы» (проблемы объяснительного провала) философии сознания и проблемы феноменальных концептов. Бенуаст идентифицирует философские «ментальные судороги», иллюзии, «фантазмы», мифы, ошибки и путаницы и исправляет их, применяя виттгенштайновский по духу терапевтический метод. В то же время он закладывает фундамент для построения позитивных контекстуалистских философии сознания, феноменологии и метафизики.

Ключевые слова: концепт, представление, феноменальный опыт, эпистемологический провал, философская иллюзия, реальность, философская грамматика, интенциональный реализм, контекстуализм, Виттгенштайн.

About a New Philosophical Method and a New Realist Philosophy of Jocelyn Benoist

I. E. Pris, PhD in Philosophy and Physics

This paper is a synthetic review of a contextualist Wittgensteinian approach and a contextualist Wittgensteinian realist philosophy of Jocelyn Benoist. Unlike traditional Wittgensteinians, Benoist does not reject the phenomenology and metaphysics, but rather tries to correct them. In particular, his work contains solutions to the problem of being, the hard problem (explanatory gap problem) of the philosophy of mind, and the problem of phenomenal concepts. Benoist identifies “mental cramps”, illusions, phantasms, myths, philosophical mistakes and confusions; and he corrects them, by applying the therapeutic Wittgensteinian method. At the same time, his work lays the foundations of contextualist philosophy of mind, phenomenology and positive metaphysics.

Keywords: concept, representation, phenomenal experience, epistemological gap, philosophical illusion, reality, philosophical grammar, intentional realism, contextualism, Wittgenstein.

Жослин Бенуаст (Jocelyn Benoist) — известный французский философ, профессор университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, член Университетского Института Франции и Директор парижских архивов Гуссерля, — прежде всего известен как феноменолог. В последние годы в его взглядах наблюдался сдвиг в сторону реалистической философии [1; 2; 3], завершившийся эксплицитным принятием реалистической позиции [4].

В своих двух эссе «Концепты» [3] и «Элементы» [4], которые дополняют друг друга («Элементы» — «изнанка» «Концептов»), Жослин Бенуаст закладывает основы соответственно контекстуалистской (неметафизической) виттгенштайновской фило-

софии сознания и контекстуалистского (неметафизического) виттгенштайновского реализма. Бенуаст вдохновляется идеями Виттгенштайна, Остена и Чарльза Трэвиса и развивает их в контексте современной философии. В то же время он критикует такого достаточно популярного «философа», как Псевдо-Виттгенштайн, в частности, некритическое фундаменталистское использование понятий практики (Бенуаст, в частности, напоминает, что нас интересуют концептуальные практики, т. е. действия, которые уже предполагают понятие концепта) и обыденного, в частности, «обыденного языка», а также консервативное понимание «философской грамматики» как неизменной сущности, предшествующей языку. Разграничение между обыденным и необыденным, напри-

* Научный сотрудник Университета Дортмунда (Германия).

мер, математическим или метафизическим (к последнему можно отнести, например, абстрактные понятия теории современной философии сознания) не играет важной роли. Философия Виттгенштейна, виттгенштейновский терапевтический и «грамматический» методы могут быть распространены в область «необъемного». Например, классическая феноменология Гуссерля может быть скорректирована в свете контекстуалистского подхода. Что касается контекстуализма, то Бенуаст, хотя и ссылается на Чарльза Трэвиса [5; 6], развивает свою собственную версию контекстуализма, которая устраняет недостатки контекстуализма Трэвиса. В отличие от Трэвиса он также стремится к созданию позитивной, но не «менталистской», философии сознания.

Критика Бенуаста направлена против метафизического реализма и теории представления декартовского типа (в частности, против интерналистской теории ментального представления) как посредника между реальностью и субъектом, которая широко используется в когнитивных науках, но в то же время и против антиреалистических антирепрезентационалистских теорий, как, например, инактивистская теория перцепции, а также против постмодернистского отождествления реальности с представлением.

Бенуаст противопоставляет свой контекстуалистский метод кантианскому и неокантианскому трансцендентализму и гегелевскому объективному идеализму. Реальность первична. Она такова, каковой она является, и мы способны ее познать. Мысль и концепты вторичны. Разделение на вещи-для-нас и вещи-в-себе ведет либо к скептицизму, либо к идеализму. В то же время (против Гегеля) реальность не отождествляется с концептуальной «реальностью» (наша реальная мысль ограничена; у нас, каковыми мы являемся, нет концептов для всего. В то же время нет принципиальных ограничений на существование концептов, позволяющих схватить любую реальность).

Контекстуально нет смысла говорить о сущности реальности *вообще* (реальности как таковой) или о ее обосновании. Проект построения теории реальности *вообще* является абсурдным, хотя можно строить теории тех или иных видов реальности.

Бенуаст разделяет точку зрения, согласно которой философия в известном смысле вторична по сравнению с другими дисциплинами; ее задачей является концептуальный анализ, который для Бенуаста, однако, не является чисто априорным анализом и который, как он полагает, применим к любым, а не лишь некоторым, излюбленным философами предметам (философскому концептуальному анализу можно подвергнуть, например,

такой сингулярный и массивный объект, как Африка или такое социальное явление (социальную реальность), как существование гетто). Подлинные концепты, которые имеют самые разнообразные формы, сейчас псевдоконцепты, и подлинные мысли (которые всегда контекстуальны и в то же время обладают известной общностью, т. е. преодолевают рамки данного контекста) укоренены в реальности, питаются ею. Подлинный концептуальный анализ должен идти до конца, т. е. до фактического основания концептов. Для Бенуаста анализ наших концептов — это исследование глубинной реальности, которая всегда в них содержится. Одной из задач философии сознания является установление природы общности концептов и мыслей и понимание того, каким образом концепты и мысли схватывают реальность в ее конкретности. Философия работает на подвижной границе между концептуальным и неконцептуальным, различие между которыми не онтологическое (как полагал, например, Фреге), а логическое и, следовательно, зависит от точки зрения.

Не существует никакого *эпистемического провала* между подлинными концептами (или мыслями, которые не существуют сами по себе, а всегда являются нашими мыслями) и реальностью, так как концепты предназначены для того, чтобы схватывать реальность. Это относится также к радикально сингулярным концептам, таким, например, как концепты, выражаемые собственными именами (собственные имена обладают «когнитивной общностью» — общностью узнавания (*recognition*)), и к феноменальным концептам, отсылающим к феноменальному опыту. Они как бы содержат в себе частицу соответствующей реальности (в случае феноменальных концептов — частицу реального феноменального опыта). В то же время Бенуаст отвергает теорию тождества мысли и реальности. Мысль нормативна (иконцепт — ментальная норма); она должна подстраиваться под реальность. Равновесие между мыслью и реальностью достаточно хрупко.

В общем случае концепт может быть определен парадигматически, т. е. посредством набора своих парадигматических употреблений. Мы владеем концептом тогда и только тогда, когда мы владеем соответствующим набором его парадигматических применений. Нельзя, следовательно, отделить владение концептом от способности его применять. Применение, например, феноменальных концептов «интуитивно», т. е. определяется соответствующим опытом. В основе этих концептов лежит идея семейного сходства. Именно поэтому граница области определения таких концептов достаточно нечетка. Нельзя обладать феноменальным концептом некоторого опыта, если никогда

его не испытывал (или, добавим от себя, если никогда не испытывал, по крайней мере, некоторый близкий к нему опыт).

Для Бенуаста концепт вещи (например, опыта) — ее *сущность* в следующем смысле. Сущность, например, феноменологическая сущность, не «трансцендентна»; она может быть *дана*, и она в самой конкретности того, что дано. Например, сущность яблока может быть дана в яблочном сорбе, которое представляет собой нечто вроде «живого концепта» яблока [3, с. 89—90].

Бенуаст рассматривает концепт реальности, анализируя его различные употребления, т. е. логическую «грамматику» реальности в виттгенштайновском смысле. Он обнаруживает, что перцепция играет при этом фундаментальную роль в определении реальности (и наш обыденный язык укоренен в перцепции. Она представляет собой моду контакта с реальностью). «Воспринимаемое» имеет грамматический приоритет в концепте реальности. Бенуаст полагает, что говорить о реальных вещах всегда означает говорить *также* и *прежде всего* (хотя и *не исключительно*) о том, что мы видим, трогаем, пробуем, ощущаем и слышим [4, с. 108]. Это утверждение является логическим (грамматическим), а не эмпирическим фактом.

Строго говоря, реальность нам не «дана». Мы сами являемся частью реальности; мы находимся в постоянном контакте с ней. Определенная *дистанция*, но не непреодолимый *онтологический* (между мыслью или сознанием и вещью) или *эпистемический* (между концептом и вещью, например, между концептом и феноменальным опытом или концептом и «сингулярной реальностью») «зазор» между нами и реальностью возникает при употреблении концептов. Подлинные концепты не навязываются извне, а определяются и питаются самой реальностью. Концепты идентифицируют вещи, делают различия между ними, «придают им их смысл», позволяют «схватить» и понять их; они также позволяют что-то *делать* с вещами. Концепт возникает там, где присутствие, реальность типизируются. Как пишет Бенуаст, важно не то, что мы имеем (реальность), а то, *что мы делаем с тем, что мы имеем*.

Используемые концепты могут не иметь прямого отношения к данной реальности, т. е. они могут быть неподходящими (это отрицательное нормативное измерение концептов). Другими словами, существуют истинные и ложные концепты. (В то же время истинные концепты, как правило, позволяют схватить (описать, представить) лишь часть реальности. Анализ всякой реальности может быть более или менее детальным.) Другим, «положительным» нормативным измерением концептов, которое тесно связано с первым, является *адекват-*

ность. Адекватность — более сильное нормативное условие, чем *подходящность*. Если *подходящность* — возможность использовать описание некоторого вида для данного случая, то адекватность — это качество описания реальности, качество взаимного приспособления концепта и реальности. Адекватные концепты схватывают реальность (в рамках той или иной точки зрения) таковой, каковой она на самом деле является. Они устанавливают контакт с реальностью как реальностью. Именно благодаря адекватным концептам мы представляем и познаем вещи в их подлинности. Адекватные представления (описания) являются не просто истинными, но и точными. В случае адекватного представления вещи ее реальность в некотором роде проникает сквозь ее истинность [4, с. 58].

Реализм Бенуаста является *интенциональным реализмом*, что можно понимать в двух тесно связанных между собой смыслах (чтобы перейти от одного из них к другому, достаточно сместить в выражении *интенциональный реализм* акцент с одного слова на другое): любая реальность нам «дана» лишь в рамках той или иной точки зрения, контекста, интенции (указанные три понятия неотделимы друг от друга). В этом смысле реальность интенциональна. С другой стороны, подлинная интенциональность, а не псевдоинтенциональность, укоренена в реальности, которая есть условие ее существования (т. е. имеется реалистическое условие на интенциональность). В этом и только этом смысле интенция реальна. (Даже наши химеры имеют реалистическое измерение. Их сила в их укорененности в реальности.) Интенциональный реализм отвергает метафизический подход к интенциональности, при котором последняя рассматривается как нечто *sui generis*, как нечто, что добавляется к материальному извне.

Точка зрения, в рамках которой рассматривается или осмысливается вещь, не должна навязываться ей извне как нечто от нее независимое. Она неотделима от вещи. В рамках точки зрения, в рамках контекста вещь нам дана таковой, каковой она является. В одном контексте мы имеем, например, дело с книгой, а в другом — с параллелепипедом. Это не означает, что существует некий третий предмет, который рассматривается то как книга, то как параллелепипед (хотя в определенном контексте такая точка зрения возможна). В данном случае существуют лишь две вещи-в-себе, которые одновременно являются вещами-для-нас: книга и параллелепипед. «Книга» и «параллелепипед» не разные представления одного и того же объекта, а два разных объекта, точнее, два *представления* двух разных объектов. В представлении объект нам дан непосредственно, таковым, каковым он является. *Представление* есть прямой до-

ступ к объекту. Представление есть удвоение *представления* (*présentation*).

Контекст «безмолвен», т. е. к нему относится то, что имплицитно. В рамках данного контекста «реальность», или уровень «грубых» (ненормативных) фактов — это то, что предполагается, что уже *приобретено*; в рамках другого контекста эта «грубая реальность» сама может стать контекстуальной. («Реальным» называют также то, что остается неанализированным, неконцептуализированным.) Например, в контексте наших институтов тот факт, что я заплатил два доллара бакалейщику, состоит в том, что я протянул ему некоторую бумажку. В этом контексте социальные институты играют роль *реальности*. Это не означает, что в другом контексте они сами не могут быть поставлены под вопрос (реальность — это то, что изменяется). Даже математические утверждения контекстуальны (см. пример Бенуаста из теории множеств [4, гл. 3]). Это позволяет придать *естественный* смысл таким, например, на первый взгляд, абсурдным понятиям (над которыми, однако, много размышляли философы), как *круглый квадрат* [3, с. 165—168].

Мысль, сознание, ментальное представление содержат элементы реальности, поскольку наличие реальности и их укорененности в ней есть условие их существования. Философия сознания не может быть построена без привлечения концепта реальности и понимания природы реальности. О реальности можно также сказать, что это то, что *имеют*. Эта метафора, однако, должна быть понята не буквально, т. е. не в смысле обладания, а в том смысле, в котором говорят «поглядим, что мы имеем». При этом важно, *что мы делаем с тем, что мы имеем* (может оказаться, что мы не знаем, что делать с тем, что имеем). Задачей контекстуалистского реализма является прояснение смысла (или смыслов) выражения «то, что имеем», природы и форм «того, что имеем».

Концепты, которыми мы владеем, определяются реальностью, отношением реальных сил, которые частично составляют субстанцию концептов. «Одно и то же» явление может быть описано по-разному с разных точек зрения. Это не означает, что то или иное описание не отражает реальность. Как раз наоборот, это означает, что реальность многообразна, разделена границами. Разрывы в реальности, отношение реальных сил определяют концептуальные разрывы и разграничения. То, что одни называют «ожиданием», другие называют «бездельничаньем» (пример с жителями гетто [3, с. 202])¹. Зачастую мы

не можем о чем-то думать (потому что у нас нет соответствующих концептов), поэтому и не хотим об этом думать. И поскольку мы не хотим думать, мы и не можем думать. По идеологическим причинам мы не хотим и не можем, например, думать о таком сингулярном и массивном объекте, как Африка. Мы не хотим и не можем думать о тех черных телах, которые море ежедневно выбрасывает на наши европейские пляжи. Это потому, что мы живем за счет нищеты Африки. [3, с. 31]

Философия не обладает монополией на производство концептов, и ее целью не является полная классификация основных концептов, что невозможно. Физика и математика производят очень сложные концепты, которые без специальной подготовки философы не способны понять. Задачей философии является концептуальный анализ, а также понимание природы концептов, понимание отношения между концептами и реальностью. Как и любая дисциплина, философия имеет свою собственную технику. Это техника концептуального анализа, требующая много терпения и внимательного отношения к объекту анализа, к реальности. Необходимым условием удовлетворительного анализа является максимально полное знание объекта анализа. Бенуаст отвергает, однако, возврат к региональным эпистемологиям. Философия применяет концептуальный анализ на своем уровне, который является более общим, чем уровень любой частной дисциплины.

Концепты обладают определенной гибкостью, пластичностью; они имеют «открытую текстуру». В то же время область их определения не безгранична (существуют *реальные возможности* применения концептов), хотя и *нечетка*. Она не может быть в общем случае известна *apriori*. *Aposteriori* может оказаться, что тот или иной концепт имеет употребление, которое невозможно было предвидеть. Во многих случаях нет смысла говорить о том, применим концепт в той или иной воображаемой ситуации или нет до того, как реальная практика позволит принять обоснованное решение. Например (Бенуаст заимствует пример у Трэвиса [5]), при современном состоянии знания невозможно ответить на вопрос о том, было бы генетически созданное животное, очень похожее на свинью, но в то же время способное летать, свиньей (то есть летающей свиньей) или же оно относилось бы к какому-то новому виду животных.

Концептуальная идентификация вещи как «той же самой», как принадлежащей к тому же самому виду или как «достаточно подобной» зависит от контекста. Например, то, что в одном контексте есть представление вещи, в другом может быть «той же самой» вещью. Всякое тождество имеет норма-

¹ Бенуаст рассказывает о шоке, который он испытал во время своего пребывания в Чикаго, когда он впервые в жизни увидел жителей гетто, и о реакции на этот шок его американских коллег в последней главе своего эссе. [3].

тивное измерение. Подобие между различными применениями одного и того же концепта есть то, что Виттгенштайн называет семейным сходством (у Гуссерля этому понятию соответствует понятие «ориентации»). Бенуаст также называет это подобие нормативным подобием. Концептуальное есть там, где есть норма, новизна (а не стандартная повторяемость), где возникает или может возникнуть вопрос «Что это?» или «Что делать?». Механическое вычисление, например, не содержит в себе ничего концептуального. Концептуальное возникает лишь тогда, когда вычисление (например, в случае нового вычисления, совершаемого в первый раз) является совершаемым субъектом *действием*.

Бенуаст делает различие между концептом и правилом (концепты «питают» правила), которое он понимает как правило эксплицитное. Как следствие, правильное применение концепта допускает в определенных пределах нарушение соответствующего правила (Бенуаст приводит пример с нарушениями иммиграционных правил работниками французской префектуры, которые не являются неправильными применениями соответствующих концептов («духа» правил).)

Язык и мысль по самой своей природе концептуальны. Такие странные понятия, как, например, понятие неконцептуального содержания — следствие неправильного или слишком ограниченного понимания понятия концепта. Концептуальность не означает обязательное использование языка. Мысль, выраженная в языке, и мысль не выраженная имеют одну и ту же природу. Всякая подлинная мысль (а не псевдомысль) в принципе может быть выражена в языке. «Частные мысли», т. е. мысли, которые не имеют концептуальной структуры, не являются подлинными мыслями и не могут быть поняты даже их носителями. «Частные» мысли в смысле подлинных, но идиосинкразических (не широко публичных) мыслей, имеют концептуальную структуру и в принципе могут быть поняты другими людьми, но они могут быть также с легкостью утрачены, забыты. Мысль, в особенности мысль о том или ином опыте (в том числе и опыте специфическом), ассоциируется с опытом, укоренена в нем, питается им. Утеря некоторого опыта имеет своим следствием утерю соответствующих концептов, способности мыслить об этом опыте.

Согласно Бенуасту, мысль реальна (и всегда контекстуальна), и эта *реальность нормативна*. То есть реальность — это то, что подразумевается нормой, но также и то, что всегда определяет ее границы [3, с. 11]. Псевдомысль не способна делать различий. Псевдоконцепты не способны различать между случаями, в которых они могут быть применены, и случаями, в которых они не могут быть применены. Мысль способна содержать в себе сингулярность вещи, она способна постигать вещь в ее сингулярности, а не просто формально отсылать к ней. Такого рода мысли составляют феноменологическую субстанцию нашего отношения с миром. «Провал» между опытом и мыслью о нем («описание» опыта, его «тематизацией») — логический (необязательно реальный). В своих эссе Бенуаст устанавливает захватывающую связь между самой абстрактной философией и самыми конкретными социальными и политическими вопросами (один из его вопросов, например, следующий: «Является ли пыткой пытка водой (waterboarding)?» [3, с. 170]), занимая при этом ярко выраженную гуманистическую позицию.

В заключение отметим, что читатель найдет в двух эссе Бенуаста длинный список философских «ментальных судорог», иллюзий, «фантазмов», мифов, ошибок и путаниц, которые он идентифицирует и исправляет, применяя виттгенштайновский по духу терапевтический метод. В то же время эссе закладывают фундамент для построения позитивных контекстуалистских философии сознания, феноменологии и метафизики.

Список цитированных источников

1. *Benoist, J.* Les limites de l'intentionnalité. Recherches phénoménologiques et analytiques / J. Benoist. — Paris, 2005.
2. *Benoist, J.* Sens et sensibilité. L'intentionnalité en contexte / J. Benoist. — Paris, 2009.
3. *Benoist, J.* Concepts / J. Benoist. — Paris: Les éditions CERF, 2010 / 2011.
4. *Benoist, J.* Eléments de philosophie réaliste / J. Benoist. — Paris, 2011.
5. *Travis, Ch.* Unshadowed Thought / Ch. Travis. — HUP, 2000.
6. *Travis, Ch.* Occasion-Sensitivity / Ch. Travis. — Oxford, 2008.

Дата поступления в редакцию: 17.01.2014 г.